

Королева и Банщик

Наталья Сила

18+

Наталья Сила
Королева и Банщик

«Автор»

2026

Сила Н.

Королева и Банщик / Н. Сила — «Автор», 2026

Вере пятьдесят, и она давно не ждёт чудес. Она умеет понимать чужие желания, страхи и кризисы, но почти разучилась чувствовать собственную жизнь. Пока однажды в закрытом приложении ей напишет Марк — мужчина младше неё, остроумный, дерзкий и опасно точный в словах. Их переписка превращается в игру: Королева и Банщик. В ней есть жар, голос, фантазии, паузы, первое можно?, первое нет и главное правило: нельзя брать — можно только получить разрешение. Марк не становится её любовью. Но становится искрой. Он возвращает Веру в тело, желание, смех и ощущение собственной женской силы. А потом исчезает в своей незавершённой жизни — с разводом, виной и страхом настоящего выбора. Вера понимает: искра — ещё не любовь. Химия — ещё не дом. Тайная комната — ещё не отношения. «Королева и Банщик» — роман о зрелой эротике без пошлости, фантазиях без стыда и женщине, которая после пятидесяти больше не хочет быть чьим-то тайным спасением. Она хочет быть выбранной. И выбирает себя.

© Сила Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Наталья Сила

Королева и Банщик

Глава

Аннотация к роману «Королева и Банщик».

Вере пятьдесят.

Она психолог, взрослая, умная, ироничная женщина, которая привыкла понимать других, но однажды замечает: за годы помощи чужим людям она почти перестала чувствовать собственную жизнь.

Случайное знакомство в закрытом приложении с Марком, мужчиной тридцати девяти лет, становится для неё не просто флиртом. Их переписка быстро превращается в игру — Королева и Банщик. В этой игре есть жар, фантазия, голос, паузы, разрешения, запреты и главное правило: нельзя брать, можно только получить согласие.

Марк не начинает с тела. Он начинает с истории. И именно поэтому Вера откликается.

Их связь становится пространством, где зрелая женщина снова вспоминает своё тело, желание, смех, право быть увиденной и право сказать “нет”. Там, где мог бы быть пошлый роман о запретной страсти, рождается тонкая история о доверии, границах и женском пробуждении.

Но искра — ещё не любовь.

Химия — ещё не выбор.

Тайная комната — ещё не дом.

Марк оказывается мужчиной, который способен разжечь в Вере жизнь, но не способен стать для неё настоящим партнёром. Его развод, вина, ребёнок, старая семейная реальность и внутренняя несвобода постепенно возвращают Веру к главному вопросу: хочет ли она быть женщиной, к которой приходят дышать тайно, или женщиной, которую выбирают открыто?

Этот роман — не о том, как женщина после пятидесяти влюбилась в молодого мужчину.

Это история о том, как короткая, яркая, почти невозможная связь вернула женщине саму себя.

Вера проходит путь от тайной переписки к честному договору с собой: больше не путать сильную химию с совместимостью, не становиться психологом для мужчины и не быть чьим-то спасением, убежищем или временной комнатой для чужого кризиса.

Она выбирает не ждать у закрытой двери.

Она выбирает строить свой дом — с любовью, зрелостью, телесностью, юмором и правом на игру.

Королева и Банщик

Пролог. Тайная комната

Вера всегда знала, что у каждого взрослого человека есть тайная комната.

Не обязательно постыдная. Не обязательно грязная. Иногда там просто лежит то, что не поместилось в приличную жизнь: желание, злость, нежность, смешные фантазии, несказанные слова, платье, которое купили “просто так”, и фотография, которую не отправили.

У одних эта комната заперта намертво.

У других туда иногда заглядывает кто-то случайный.

У третьих там давно живёт пыль.

Вера была психологом и слишком хорошо знала: люди редко приходят лечить боль. Чаще они приходят с просьбой вернуть им доступ к себе.

Но это она понимала про других.

С собой было сложнее.

В пятьдесят лет она умела выглядеть собранной даже тогда, когда внутри всё давно лежало не по местам. У неё были дорогие платья, уверенный голос, привычка смотреть в суть и усталость женщины, которая слишком долго объясняла чужую жизнь, откладывая свою на потом.

Она не считала себя несчастной.

Это было бы слишком театрально.

Она просто однажды заметила, что живёт аккуратно.

А аккуратная жизнь, если в ней слишком долго не открывать окна, начинает пахнуть шкафом.

Глава 1. Профиль без фотографии

Вера открыла приложение в тот самый момент, когда чайник на кухне закипел, а телефон сообщил о трех непрочитанных сообщениях от клиенток-женщин, которые “все поняли”, “обязательно начнут с понедельника” и “можно перенести сессию на завтра, потому что сегодня нет ресурса”.

Слово “ресурс” в последнее время действовало на неё почти так же, как скрип пенопласта.

Она поставила чашку на стол, посмотрела в окно и подумала, что у нее самой ресурс закончился где-то между сорока семью и сорока девятью. Не резко. Не драматично. Просто однажды она заметила, что чаще объясняет жизнь другим, чем проживает свою.

Вера была из тех женщин, которые умеют выглядеть собранно даже в халате. Волосы - небрежно, но красиво. Лицо - без лишней косметики, но с той ухоженностью, которую невозможно спутать с молодостью. Ее молодость кричала: “Посмотрите на меня, какая я красивая”. Ее зрелость говорила тише: “Кто умеет смотреть, тот увидит”.

Она умела смотреть.

В этом была ее профессия, привычка и беда.

Люди приходили к ней с браками, детьми, зависимостями, деньгами, обидами, любовниками, страхом отвержения, потерянным желанием и вопросом: “Со мной все нормально?”

Чаще всего с ними все было нормально.

Ненормальным было то, как долго они пытались быть удобными.

В тот вечер Вера не собиралась знакомиться. Она даже сказала себе это вслух, что всегда означало обратное.

- Я просто посмотрю.

Приложение называлось прилично. Что-то про закрытое пространство, осознанные встречи взрослых людей и безопасность.

Внутри, разумеется, все было как везде: мужчины без лиц, мужчины с котами, мужчины на фоне чужих машин, мужчины в постели, мужчины, у которых “все сложно”, мужчины, которые писали “ищу легкости”, подразумевая, что всю тяжесть потом понесет женщина.

Вера листала анкеты с профессиональной усталостью патологоанатома.

“Люблю путешествия, спорт, честность”.

Она закрыла глаза.

Честность мужчины в анкете обычно заканчивалась там, где начиналась его жена.

Следующий профиль был без фотографии. Только силуэт и короткий текст:

“За искру без ожогов.”

Секс — на раз, два, три, четыре, пять, я иду искать.

Добрый, спортивный, симпатичный не лишен чувства юмора. 181-81

Фантазии люблю сторителлинг)

P.S. Хорошо выгляжу без одежды

Вера фыркнула.

Потом перечитала.

Потом ещё раз.

Зацепило не “хорошо выгляжу без одежды”. Этим в приложениях пытались удивить примерно все мужчины, у которых была ванная, зеркало и завышенная самооценка.

Зацепило другое.

“Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать”.

Детская считалка, приделанная к сексу, выглядела почти неприлично. Не потому что грубо. Наоборот — потому что слишком точно.

В ней было что-то от прятков: один закрывает глаза, другой убегает, потом начинается поиск. Кто-то прячется, кто-то ищет. Кто-то хочет быть найденным, но не сразу.

Вера знала: взрослые люди продолжают играть в прятки всю жизнь.

Только вместо шкафа прячутся в браке, работе, приличии, усталости, “мне уже поздно”, “я не такая”, “это не про меня”.

А потом вдруг появляется незнакомец без фотографии и пишет: “я иду искать”.

Она усмехнулась.

Сторителлинг.

Вот это было уже интересно.

Большинство мужчин в таких приложениях хотели тела без сюжета. Быстро, прямо, с минимальным количеством слов, желательно с фотографией до того, как женщина успеет понять, хочет ли она вообще быть видимой.

А этот хотел историю.

Искру — но без ожогов.

Секс — но через считалку.

Фантазию — но как рассказ.

Голое тело — но с улыбкой в конце.

В профиле было сразу несколько дверей. И ни одна не открывалась ногой.

Вера открыла его анкету.

Возраст: 39.

Рост: 181.

Город: тот же.

Семейное положение: “не для анкеты”.

Профессия: “цифры, риски, молчание”.

Цель: “разговор, который не хочется заканчивать”.

«— Ну надо же», — сказала Вера пустой кухне. — Почти человек. И похоже женат.

Она нажала на сердечко не потому, что хотела познакомиться. Ей просто стало любопытно, как мужчина с таким текстом начинает разговор.

Ответ пришёл через четыре минуты.

“Добрый вечер. Вы поставили лайк или диагноз?”

Вера улыбнулась.

Чай уже остыл.

Она написала:

“Пока наблюдение”.

Он ответил:

“Тогда мне вести себя естественно или красиво?”

“Естественно. Красиво я уже видела”.

“И как?”

“Скучно”.

Пауза длилась почти минуту.

Вера успела пожалеть, что ответила слишком быстро. Женщины после пятидесяти часто делают вид, что им всё равно. На самом деле они просто хорошо знают цену собственной вовлеченности. Вовлеченность в зрелом возрасте уже не похожа на бабочек. Скорее на старый лифт: сначала кажется, что он не поедет, потом вдруг вздрагивает весь дом.

Он написал:

“Тогда попробую не скучно. Что вы думаете о ролевых играх?”

ера с грохотом поставила чашку в раковину.

Вот он, вход.

Не “какие у вас глаза”. Не “чем занимаетесь”. Не “можно фото”. Сразу — дверь в подвал, где люди хранят не вещи, а то, что не решились прожить.

Она могла закрыть чат.

Могла ответить лекцией.

Могла написать: “Зависит от роли, границ и уровня интеллекта участников”.

Так она обычно и делала. Спасалась умом, как зонтом от собственного дождя.

Но вместо этого её пальцы напечатали:

“Я о них не думаю. Я в них играю”.

Он ответил почти сразу:

“Опасная вы женщина”.

“Нет. Просто взрослая”.

“А взрослые разве играют?”

Только взрослые и умеют. Остальные просто нарушают правила”.

На этот раз пауза была длиннее.

Вера вдруг почувствовала, как в комнате стало тише. Даже холодильник, кажется, перестал гудеть из приличия.

“Тогда придумайте мне роль”, — написал он.

Она посмотрела на его анкету. Цифры, риски, молчание. Мужчина, который явно умеет контролировать себя в рабочее время и не очень понимает, куда девать всё остальное.

“Нет”, — написала она. — “Сначала вы. Какая женщина появляется в ваших фантазиях?”

Ответ пришёл не сразу.

“Строгая. Тёплая. Недоступная. Та, к которой нельзя просто подойти и взять. Нужно заслужить разрешение”.

Вера почувствовала, как внутри неё что-то тихо повернулось.

Не вспыхнуло. Не обожгло.

Повернулось.

“Разрешение — хорошее слово”, — написала она. — “А если она не разрешит?”

“Значит, я буду просить лучше”.

“Вот это уже интереснее”.

“Вы всегда так отвечаете?”

“Нет. Обычно я гораздо вреднее”.

“Мне начинает нравиться ваша вредность”.

“Осторожнее”, — написала Вера. — “Женская вредность — опасная территория. Мужчины часто думают, что это просьба быть настойчивее”.

“А это не так?”

“Иногда так. А иногда это табличка на двери: сначала постучите”.

“И как понять разницу?”

“Спросить. И выдержать ответ”.

Пауза.

“Кажется, вы сейчас говорите про границы”.

“И про игру. Без границ она быстро становится скучной. Или небезопасной”.

“А вы умеете их ставить?”

Вера усмехнулась.

“Я на этом зарабатываю”.

“Психолог?”

“Иногда”.

“А в остальное время?”

Она посмотрела на своё отражение в тёмном окне. Женщина в стекле выглядела спокойной. Даже слишком.

“В остальное время я стараюсь не быть только психологом”.

Он написал:

“Тогда сегодня вам идёт роль Королевы”.

Она подняла брови.

“А вам?”

“Я пока не решил. Возможно, Банщик”.

Вера рассмеялась. Громко, неожиданно. Так давно с ней не случалось.

“Почему Банщик?”

“Потому что Королевам тоже иногда нужно, чтобы кто-то принёс горячую воду и не задавал лишних вопросов”.

“Банщик, который не задаёт вопросов, долго не живёт при дворе”.

“Тогда я буду задавать только полезные”.

“Например?”

“Что Королева запрещает всем, но иногда разрешает себе?”

Вера перестала улыбаться.

Вот это был уже не флирт.

Это была точность.

Она закрыла приложение, как закрывают книгу на самом интересном месте, чтобы не выдать себе, что хочется читать дальше.

Телефон тут же мигнул.

“Я перегнул?”

Вера не ответила.

Она прошла в спальню, сняла серьги, хотя весь день была дома, и вдруг поймала себя на том, что смотрит на собственную шею в зеркале.

Шея ей понравилась.

Это было странно.

Женщина после пятидесяти часто рассматривает себя не чтобы понравиться, а, чтобы оценить ущерб. Где опустилось. Где изменилось. Где уже не так. Где свет лучше не включать.

Вера смотрела иначе.

Как будто кто-то чужой, ещё не видевший её усталости, попросил разрешения войти.

Она вернулась на кухню.

Открыла чат.

Написала:

“Королева запрещает спешку”.

Он ответил:

“Я умею ждать”.

“Все так говорят”.

“Проверите?”

“Уже”.

“И как я справляюсь?”

Вера посмотрела на время. Прошло одиннадцать минут.

“Пока живы”.

“Это высокая оценка?”

“Для Банщика — почти титул”.

Он прислал смеющийся смайл.

Потом написал:

“Как мне к вам обращаться?”

Вера хотела написать своё имя. Простое, паспортное, человеческое.

Но вместо этого ответила:

“Сегодня — Ваше Величество”.

Он не писал почти две минуты.

Потом:

“Понял. Тогда я буду осторожен”.

Она перечитала эту фразу.

Осторожен.

Не дерзок. Не жаден. Не “покажи”. Не “докажи”. Не “а что на тебе сейчас надето”.

Осторожен.

Именно это слово почему-то оказалось самым интимным за весь вечер.

Вера выключила чайник из розетки, хотя он давно не работал. Просто нужно было что-то сделать руками.

Телефон снова мигнул.

“Ваше Величество, можно последний вопрос перед сном?”

“Один”.

“Вы правда умеете играть или только красиво управляете?”

Вера долго смотрела на экран.

Потом написала:

“Завтра узнаем”.

Она положила телефон лицом вниз.

И впервые за долгое время не стала читать перед сном профессиональную статью о привязанности, травме или кризисе среднего возраста.

Она лежала в темноте и думала о том, что самые опасные двери иногда открываются не наружу, а внутрь.

Глава 2. Первое слово

Утром Вера проснулась раньше будильника.

Это было неприятно.

Женщина, которая просыпается раньше будильника, либо счастлива, либо тревожна.

Вера не любила такие диагностические развилки, особенно применительно к себе.

Телефон лежал на тумбочке экраном вниз.

Она не взяла его сразу.

Сначала встала, открыла окно, пустила в комнату прохладный воздух. Потом заварила кофе. Потом ответила двум клиенткам. Потом отправила администратору расписание группы. Потом полила фикус, который выживал у неё уже седьмой год и, кажется, давно перестал рассчитывать на эмоциональную близость.

Только после этого она открыла чат.

Сообщение было отправлено в 7:12.

“Доброе утро, Ваше Величество. Банщик прибыл к котлам. Огонь умеренный. Воду не расплескал. Спешку не проявляю”.

Вера засмеялась.

Не от шутки даже. От аккуратности.

Он помнил.

Мужчины редко помнили правила игры, если правила придумали не они. Они любили импровизацию ровно до первого чужого ограничения.

Вера написала:

“Отчёт принят. Что с дисциплиной?”

“Сложно. Но держусь”.

“Что сложнее всего?”

“Не задавать лишних вопросов”.

“Задайте один”.

“Почему вы вчера не закрыли чат?”

Вера отпила кофе.

Хороший вопрос. Неприятный. То есть хороший.

Она могла ответить: “Из любопытства”.

Могла: “Профессиональная деформация”.

Могла: “Вы смешной”.

Все три были правдой. И все три — защитой.

Она написала:

“Потому что вы не начали с тела”.

Ответ пришёл быстро.

“А хотелось?”

“Вам?”

“Мне — да. Но тело без разрешения скучнее хорошей фразы”.

Вера поставила чашку на стол.

Вот так.

Он умел.

Не идеально, нет. В нём чувствовалась нетерпеливость. Под гладью слов ходила быстрая рыба желания. Но он пока не рвал сеть.

Она написала:

“Вы опасный банщик”.

“Почему?”

“Понимаете, что запрет иногда сильнее приглашения”.

“Я аналитик. Я вижу зависимости”.

“Желание — не таблица”.

“Согласен. Но в нём тоже есть формулы”.

“Какая у вашего желания формула?”

Пауза.

Вера представила, как он сидит в офисе у окна с ноутбуком, в рубашке, с обычным лицом обычного мужчины, который вчера вечером стал для неё Банщиком.

Люди вокруг него, конечно, ничего не знали. В этом и была особая дерзость переписки: она создавала тайную комнату прямо посреди дня.

Наконец он написал:

“Восхищение плюс запрет плюс доверие”.

Вера перечитала.

Потом ещё раз.

“Без власти?” — спросила она.

“Власть там есть. Но я не хочу брать силой”.

Вера замерла.

Взрослая женщина знает: важны не только слова, которые мужчина говорит. Важны слова, которые он не выбирает.

Он не написал: “Я никогда не причиню вреда”.

Не написал: “Я хороший”.

Не написал: “Не бойтесь”.

Он написал точнее: “Я не хочу брать силой”.

Значит, знал, что такая фантазия существует где-то рядом. Возможно, в нём.

Возможно, в культуре. Возможно, в самом устройстве желания, где власть и нежность часто ходят по одной узкой тропе.

Она ответила не сразу.

“Тогда первое правило”.

“Слушаю”.

“В нашей игре нельзя брать. Можно только получать разрешение”.

“Даже если роль говорит обратное?”

“Особенно если роль говорит обратное”.

Он молчал.

Минута. Вторая. Третья.

Вера почувствовала знакомое напряжение. Сейчас он исчезнет. Или пошутит. Или скажет, что она всё усложняет. Или назовёт это “не тем вайбом”. Её внутренний психолог приготовился к разочарованию с таким профессиональным достоинством, будто давно держал для него отдельный стул.

Сообщение пришло через пять минут.

“Это неожиданно заводит сильнее”.

Вера улыбнулась медленно.

“Что именно?”

“Что вы можете остановить игру. И всё равно остаться в ней”.

Она ничего не ответила.

Потому что это было слишком близко к правде.

Женщины часто устают не от мужского желания, а от его неуклюжести. От того, что их хотят так, будто они вещь, препятствие, награда или функция. Почти никто не умеет хотеть женщину и одновременно оставлять ей власть над дверью.

А без двери нет комнаты.

Есть только захват.

Вера написала:

“Тогда второе правило”.

“Уже боюсь”.

“Бояться можно. Давить нельзя”.

“Принято”.

“Третье”.

“Я ещё жив?”

“Пока да”.

“Говорите”.

“Если я говорю ‘стоп’ — игра заканчивается. Без вопросов. Без обид. Без попытки переубедить”.

Он ответил не сразу.

“А если я скажу?”

Вера смотрела на эту фразу дольше, чем нужно.

Вот оно.

Не только её безопасность. Его тоже.

“Тоже заканчивается”, — написала она. — “У Банщика тоже есть право выйти из парной”.

Он прислал голосовое.

Вера не ожидала.

Оно длилось двадцать семь секунд.

Она могла не слушать. Могла написать: “Сейчас неудобно”. Могла оставить на потом.

Но палец уже нажал.

Голос оказался ниже, чем она представляла. Не бархатный, нет. Бархатные голоса бывают у тех, кто слишком хочет понравиться. У него голос был живой: немного хриплый, с улыбкой на краю, и с той неловкостью, которая появляется у мужчины, когда он впервые выходит из текста в воздух.

«— Доброе утро, Ваше Величество», — сказал он. — Я понял правила. Не уверен, что буду идеальным учеником, но... — он коротко усмехнулся, — кажется, мне хочется учиться. И да, слово “стоп” я услышал. Правда услышал».

Вера поставила телефон на стол.

Внутри неё стало тихо.

Не пусто. Именно тихо.

Голос всегда разрушает часть фантазии. Текст позволяет придумать человека. Голос возвращает его в тело: в дыхание, возраст, усталость, привычку улыбаться или защищаться. После голоса уже нельзя полностью обманываться.

Она прослушала ещё раз.

Потом записала ответ.

Сначала сбилась.

Удаляла.

Снова записала.

— Банщик, — сказала она и сама услышала улыбку в своём голосе. — Для первого дня при дворе вы слишком быстро продвигаетесь. Это подозрительно. Но правила вы повторили хорошо. Королева довольна.

Она отправила и тут же пожалела.

Не из-за содержания. Из-за интонации.

В ней было слишком много удовольствия.

Ответ пришёл почти мгновенно.

“У вас голос опаснее текста”.

Вера закрыла глаза.

Вот теперь началось.

Не вчера, когда они обменивались остроумными сообщениями. Не утром, когда он назвал формулу желания. Не в момент правил.

А сейчас.

Потому что голос сделал игру необратимой.

Нет, они ещё могли остановиться. Конечно, могли. Взрослые люди всегда могут остановиться, если не врут себе, что их “несёт”. Но после голоса остановка уже не возвращала бы их в прежнее место.

Что-то было сказано.

Что-то было услышано.

И это “что-то” не помещалось ни в приложение, ни в роль, ни в приличную фразу “мы просто общаемся”.

Вера открыла заметки на телефоне и написала:

“Почему людям нужны роли?”

Ответ возник сам, раньше мысли:

“Потому что без роли они слишком быстро пугаются правды”.

Она посмотрела на эту строку и поняла, что это уже не заметка для клиента.

Это было про неё.

Чат снова мигнул.

“Можно ещё вопрос?”

“Сегодня вы расточительны на вопросы”.

“Последний до обеда”.

“Разрешаю”.

“Что Королева запрещает себе?”

Вера не двигалась.

За окном кто-то смеялся. На улице сигналили машины. В соседней квартире ребёнок отказывался идти в садик с такой силой, будто защищал докторскую диссертацию о свободе личности.

Обычный день.

И внутри него — вопрос, от которого у Веры пересохло во рту.

Что она запрещает себе?

Хотеть первой.

Ждать сообщения.

Выбирать платье не для мероприятия, а для взгляда.

Быть смешной.

Быть неразумной.

Быть женщиной не “несмотря на возраст”, а именно в своём возрасте.

Не объяснять желание травмой, дефицитом или переносом.

Не лечить то, что просто живое.

Она написала:

“Королева запрещает себе терять контроль”.

Он ответил:

“А хочет?”

Вера долго смотрела на экран.

Потом набрала:

“Она пока изучает Банщика”.

“Как объект?”

“Как риск”.

“И какой предварительный вывод?”

Она усмехнулась.

“Горячий”.

“Это плохо?”

“Это требует правил”.

“А если правила выдержаны?”

Вера положила телефон на стол, допила холодный кофе и только потом ответила:

“Тогда огонь можно оставить”.

Он не писал почти десять минут. А потом прислал фото. Оно было из офиса. Хорош. Очень хорош собой и сексуален, опытная женщина легко определит тестостеронного мужчину.

Вера успела открыть рабочую почту, но прочитать ничего не смогла. Буквы расплзались. Взгляд всё время возвращался к маленькому значку приложения.

Наконец пришло сообщение:

“Я весь день буду думать о том, что меня не потушили”.

Она улыбнулась.

И впервые за много лет выбрала на встречу с клиентами не самый удобный костюм, а тот, в котором у неё была красивая спина.

Никто не заметил.

Но ей было достаточно, что заметила она.

Глава 3. Королева и Банщик

К обеду Вера уже знала, что день испорчен.

Не в плохом смысле.

В плохом смысле день портит сломанный лифт, отменённая встреча, внезапный дождь без зонта или клиент, который на сороковой минуте сессии говорит: “А можно я сейчас расскажу, зачем на самом деле пришла?”

Этот день был испорчен иначе.

Он был испорчен ожиданием.

Вера сидела в маленьком кабинете с зелёным креслом, тёплой лампой и стеллажом, на котором книги по психологии соседствовали с деревянными фигурками, кукольным домиком и отдельной полкой, плотно забитой метафорическими картами. Когда-то она работала с детьми. Потом со взрослыми. Потом поняла, что взрослые играют ничуть не меньше детей, просто делают вид, что игра теперь – это жизненная стратегия, брак, карьера, воспитание или “я такая по характеру”.

Игру Вера любила. Живую игру.

В игре человек переставал быть правильным и становился настоящим.

Но сегодня она впервые за долгое время не хотела никого понимать.

Она хотела открыть телефон.

И это было возмутительно.

Телефон лежал в сумке, экраном вниз, как наказанный подросток.

Вера проводила консультацию с женщиной сорока шести лет, которая двадцать минут рассказывала, что муж к ней “нормально относится”.

Слово “нормально” в семейной жизни Вера не любила почти так же, как слово “ресурс”.

— Он вас обнимает? — спросила она.

Женщина задумалась.

— Ну... когда надо.

— А когда не надо?

— Не помню.

Вера кивнула.

Внутри телефона, в сумке, молчал Банщик.

“Не отвлекайся”, — сказала себе Вера.

И тут же подумала: “Интересно, он сейчас на работе? В рубашке? Сидит за таблицами? Считает риски? Или уже думает, как войти в парную и не получить полотенцем по лицу?”

Она улыбнулась.

Клиентка заметила.

— Вы чему улыбаетесь?

Вера подняла глаза.

— Тому, что иногда “нормально” — это очень дорогое слово. Люди платят за него годами своей живостью, здоровьем, молодостью...

Женщина замолчала.

А Вера вдруг поняла, что сказала это не только ей.

После консультации она закрыла дверь, достала телефон и увидела сообщение.

“Ваше Величество, докладываю: Банщик держится. Но жар в системе растёт”.

Вера засмеялась.

Написала:

“Система должна быть устойчива к перегреву”.

“Я бы предпочёл внешнее охлаждение”.

“В виде?”

“Вашего строгого взгляда”.

“Вы его не выдержите”.

“Проверим?”

“Нет”.

“Почему?”

“Потому что хороший Банщик не проверяет Королеву. Он ждёт приглашения”.

Пауза.

“А плохой?”

“Плохой вылетает из дворца с тазом на голове”.

Он прислал смеющийся смайл.

Потом:

“Вы опасны не строгостью. Вы опасны тем, что мне смешно и жарко одновременно”.

Вера смотрела на это сообщение дольше, чем собиралась.

Смешно и жарко.

Вот так и должно быть, подумала она.

Не мрачно.

Не трагично.

Не “я погибаю от страсти”.

А так, чтобы хотелось смеяться и одновременно положить ладонь на грудь, потому что сердце вдруг вспомнило, что умеет не только обеспечивать кровообращение.

Она написала:

“Это лучшее состояние для начала игры”.

“Значит, игра началась?”

Вера положила телефон на стол.

Вот он, вопрос.

Можно было уйти в шутку.

Можно было сказать: “Пока прелюдия”.

Можно было включить психолога и выдать что-то про добровольный вход в символическое пространство.

Нет. Она устала быть умной там, где можно быть живой.

“Да”, — написала она. — “Но у игры должно быть название”.

“Королева и Банщик?”

“Слишком очевидно”.

“Зато честно”.

“Честность часто переоценена”.

“А что вы цените выше?”

“Точность”.

“Тогда Королева и Банщик — точно”.

Вера улыбнулась.

Название было смешное и при этом чувствовалась интрига, загадочность.

Как будто до этого между ними были отдельные сообщения, а теперь появилась игровая комната.

Не настоящая.

Пока нет.

Но уже с дверью, жаром, водой, правилами и странной властью женщины, которая ничего не обещала, но оттого становилась желаннее.

“Хорошо”, — написала она. — “Но Банщик должен понимать, что Королева не раздевается по расписанию”.

Ответ пришёл почти мгновенно:

“Банщик и не надеялся на расписание. Он надеялся на милость”.

“Милость нужно заслужить”.

“Чем?”

“Выдержкой”.

“Это пытка”.

“Это взрослая игра”.

“А разница?”

“В пытке нет согласия. В игре есть удовольствие”.

Он молчал почти минуту.

Потом написал:

“Вы сейчас улыбаетесь?”

Вера не улыбалась.

Она смотрела на экран серьёзно.

Потом поняла, что губы всё-таки предательски дрогнули.

“Слегка”.

“Тогда я жив”.

“Пока”.

“Ваше Величество, можно мне задать вопрос не Банщика, а Марка?”

Вера почувствовала, как внутри изменился воздух.

Роли были безопасны.

Имена — нет. Особенно, когда их слышишь впервые.

“Можно”.

“Вопроса на самом деле два - как ваше имя? Второй вопрос повторяющейся, и все-таки почему вы согласились на игру?”

Вера откинулась на спинку кресла.

Вопросы были слишком простой для уклонения.

Она могла сказать: “Вы были интересны и давайте для поддержания интереса – без имени”.

Могла: “Я люблю хорошую игру, поэтому прошу называть меня Ваше Величество”.

Могла: “Мне захотелось чего-то нового и имя тоже сегодня зазвучит иначе – я Полина”.

Но всё это было недостаточно.

Она написала свое имя, затем ответила:

“Повторюсь на повторяющийся вопрос, потому что вы спросили о фантазии, но не стали сразу требовать тела”.

“А если бы потребовал?”

“Вы бы стали третьим свайпом слева за вечер”.

“Жестоко”.

“Гуманно. Я экономлю мужчинам время”.

“А себе?”

Вера задумалась.

Себе она обычно ничего не экономила. Ни время, ни силы, ни объяснения, ни терпение. Женщины, которые умеют глубоко чувствовать и понимать, часто становятся бесплатным переводчиком с мужского недоразвитого на человеческий.

С Марком ей пока не хотелось переводить.

Он говорил сам.
Пусть иногда торопливо. Пусть местами слишком смело. Но сам.
“Себе я пытаюсь вернуть интерес”, — написала она.
Ответа не было долго.
Потом пришло:
“Я не хочу быть для вас экспериментом”.
Вера почувствовала уважение к этой фразе.
Мужчина, который не хочет быть экспериментом, уже не объект.
Он субъект.
А субъект гораздо опаснее для сердца.
“Тогда не будьте”, — ответила она.
“А кем быть?”
“Собой. Но с хорошим воображением”.
“Это звучит как вакансия”.
“С испытательным сроком”.
“Оплачиваемым?”
“Впечатлениями”.
“Готов выйти завтра”.
“Сначала резюме”.
“Добрый. Спортивный. Симпатичный. Не лишён чувства юмора. Хорошо выгляжу...”
“Стоп”.
“Что не так?”
“Последний пункт проверять пока не будем”.
“Жаль. Он сильный”.
“Сильный пункт — это умение не использовать сильный пункт раньше времени”.
“Ваше Величество, вы меня воспитываете?”
“Нет. Дрессирую”.
“Мне нравится”.
“Я заметила”.
Он прислал голосовое.
Вера посмотрела на него и решила не слушать сразу.
Это было почти мучительно.
Голос стал новым уровнем развития отношений.
Как будто он мог войти туда, куда тексту не добраться не под каким предлогом.
Она убрала телефон в сумку и пошла на следующую встречу.
День продолжался.
Люди приходили и уходили.
Кто-то плакал.
Кто-то оправдывал мужа.
Кто-то боялся развестись.
Кто-то боялся остаться.
Кто-то говорил, что “секс не главное”, с таким лицом, будто только что закопал главное в саду и теперь надеется, что никто не найдёт.
Вера слушала.
Иногда задавала вопросы.
Иногда молчала.
И всё время знала: в сумке лежит голосовое от мужчины, который назвал себя Банщиком и почему-то сделал её день светлее.
Она включила его только вечером, уже дома.

Сначала поставила чайник.

Потом сняла серьги.

Потом переделась в любимый домашний халат.

Потом сказала себе:

— Вера, тебе пятьдесят лет. Ты взрослая женщина. Это просто голосовое.

И нажала.

«— Ваше Величество — сказал Марк. Голос был чуть ниже, чем утром. Видимо, день тоже снял с него часть защиты. — Я подумал, что Королеве, наверное, не стоит читать резюме Банщика в письменном виде. Слишком официально. Поэтому устно. Первое: я умею ждать, но плохо. Второе: я умею быть послушным, если понимаю, ради чего. Третье: мне нравится ваш ум, но ещё больше — момент, когда вы перестаете им защищаться. Четвёртое: я не знаю, куда это приведёт. И, кажется, впервые за долгое время мне не хочется всё просчитать».

Вера стояла у кухонного стола.

Чайник шумел.

На улице за окном кто-то парковался с упорством человека, который никогда не сдаётся, даже если всем вокруг уже хочется выйти и поднять машину руками.

Вера прослушала голосовое ещё раз.

На третьем разе остановила себя.

Нет.

Три — это уже почти симптом.

Она записала ответ.

— Банщик, резюме принято. Особенно пункт про “умею ждать, но плохо”. Это честно. Честность, конечно, переоценена, но иногда очень украшает мужчину.

Она сделала паузу.

И добавила:

— А насчёт того, куда это приведёт... не всё нужно знать заранее. Иногда достаточно понимать, что дверь пока закрыта. Но свет под ней уже виден.

Она отправила.

И тут же испугалась собственной фразы.

Слишком красиво.

Слишком лично.

Телефон молчал.

Минута.

Две.

Пять.

Вера уже успела приготовить чай, открыть холодильник, закрыть холодильник, вспомнить, что ужин не появляется от взгляда, и снова взять телефон.

Ответ:

“Я сейчас сижу в машине у дома и не выхожу. Потому что после вашего сообщения обычная жизнь кажется мне слишком тусклой”.

Вера медленно выдохнула.

Иногда мужчина ничего не делает.

Просто пишет одну фразу.

И женщина вдруг понимает: её увидели.

Не полностью.

Не навсегда.

Может быть, даже ошибочно.

Но достаточно, чтобы внутри стало тепло.

Она написала:

“Идите домой, Марк”.

“А Банщик?”

“Банщик сегодня свободен”.

“От обязанностей?”

“От спешки”.

“А Королева?”

Вера посмотрела на чашку с чаем, на отражение кухни в тёмном стекле, на собственную руку, которая всё ещё держала телефон.

“Королева идёт спать”.

“Одна?”

Она улыбнулась.

“С чувством собственного достоинства”.

“Это ревнивый соперник”.

“Очень. И давно со мной”.

“Тогда передайте ему, что у него нет повода”.

“Передам”.

“И всё-таки...”

“Что?”

“Если бы я сейчас стоял у двери вашей спальни...”

“Вы бы не стояли у двери моей спальни”.

“Я знаю. Но если бы?”

Вера не ответила сразу.

Вопрос был опасный. Но в нём не было давления. Он был как вертушка-ветерок, остановившийся в воздухе: можно было дождаться нового потока, а можно было взмахнуть ему навстречу...

Она написала:

“Я бы спросила, почистили ли вы зубы, Банщик”.

Ответ пришёл через секунду:

“Я бы почистил дважды”.

Вера рассмеялась так громко, что фикус в углу, казалось, вздрогнул.

Вот за это.

За то, что можно было быть желанной и смеяться.

За то, что желание не обязательно должно сразу становиться трагедией, драмой, виной или разбором на полтора часа.

Иногда оно может быть сообщением в вечерней спальне.

И фразой про чистку зубов.

И женщиной, которая ложится спать с улыбкой, хотя никто её сегодня не касался.

Особенно потому, что никто не касался.

Пока.

Глава 4. То, что не говорят мужьям и жёнам

Утро началось с дождя и сообщения без роли.

“Вера, можно сегодня без Вашего Величества?”

Она прочитала его, стоя босиком у окна.

За стеклом город был мокрый, серый, недовольный собой. Машины шли плотным потоком. Люди под зонтами двигались быстро и обречённо, как будто каждый из них опаздывал в жизнь, которую сам себе не выбирал.

“Можно”, — написала она. — “Что случилось?”

“Ничего. Просто хочу начать с того места, с которого стоило начать.

Можем перейти на «ты»?”

“Говори”. Вера заметила, что с легкостью перешла на “ты”.

Он долго печатал.

Появлялись три точки.

Исчезали.

Появлялись снова.

Вера успела сварить кофе.

Наконец пришло:

“Я вроде свободен, но не до конца.

С женой мы уже давно не вместе, всё почти оформлено. Но есть ребёнок, быт, какие-то общие вопросы. И вина.

Я понимаю, что как пара мы закончились. Но всё равно есть ощущение, что я должен оставаться “хорошим”, не делать никому больно, всё выдерживать.

Хотя честно — там уже давно всё умерло”.

Вера поставила чашку на подоконник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.